

*Подмогильная Н. В.,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой
издательского дела и межкультурной коммуникации
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара*

*Куварова Е. К.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего и славянского языкознания
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара*

СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ И ЭКСПРЕССИВНОСТЬ ПИСЬМА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕПИСКИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА)

Аннотация. В статье рассматривается книга «Переписка Бориса Пастернака» как оригинальный издательский проект. Исследовательский интерес сосредоточен на содержательных и экспрессивных характеристиках эпистолярных текстов, существенно расширяющих известные представления как о личности писателя, так и о современном ему литературном процессе.

Ключевые слова: Б.Л. Пастернак, письма, содержательность, экспрессивность, обращение, Н.С. Тихонов, М. Горький, М.И. Цветаева, В.Т. Шаламов.

Постановка проблемы. Книга «Переписка Бориса Пастернака» [1], хотя и была выпущена более двадцати лет назад, до сих пор оставалась лишь дополнительным источником информации о жизни и творчестве одного из крупнейших русских поэтов XX века. Сделав ее объектом нашего исследования, попытаемся рассмотреть эту книгу как оригинальный издательский проект. Предметом нашего интереса стали содержательные и экспрессивные характеристики эпистолярных текстов, существенно расширяющие известные представления как о личности писателя, так и о современном ему литературном процессе.

В книгу включены письма Б.Л. Пастернака, хронология которых (1910–1956 годы) охватывает фактически весь период активной творческой деятельности поэта и выразительно репрезентирует художнические поиски, внутренние настроения, жизненные переживания, литературные увлечения и пристрастия, отношения с известными писателями и культурными деятелями, зарождение, развитие и угасание дружеских связей. По мудрому и тонкому замечанию Л.Я. Гинзбург, «письма писателя не всегда литература. Но и в этом случае часто есть связь между ними и его писательскими задачами. <...> Они и литературный факт, и бытовая и автобиографическая информация. В них размышления о творчестве и автохарактеристики» [1, с. 3]. Именно этой мыслью авторитетного исследователя мы руководствовались, определяя свои исследовательские цели. Адресатами Б.Л. Пастернака были О.М. Фрейденберг (самый большой в количественном отношении блок переписки – 198 писем из 321 включенного в книгу), М.И. Цветаева, М. Горький, Н.С. Тихонов, А.С. Эфрон, В.Т. Шаламов. Понятно, что это лишь небольшая часть общего массива эпистолярия Б.Л. Пастернака, и, наверное, автор задиристых, но едва ли не самых ярких биографических исследований в современном литературоведении «Анти-Ахматова» и «Другой Пастернак» [см.: 2] Т. Катаева не без оснований назвала бы такую подборку субъективной, поскольку как издательский

проект книга могла бы называться «Переписка Б.Л. Пастернака с О.М. Фрейденбергом». К сожалению, в поле внимания составителей издания не попали важные в содержательном отношении письма, о которых упоминают и Т. Катаева, и автор информационно насыщенной работы «Борис Пастернак» из серии «Жизнь замечательных людей» Д.Л. Быков [3]. Но и эта часть переписки делает более зримыми некоторые штрихи портрета неординарной личности поэта, позволяет обнаружить те моменты, которые или вообще не могут быть вербализованы в художественных произведениях, или остаются на маргиналиях, так сказать, за скобками текста. В книге представлены и ответы названных адресатов поэту, что не только интересно в познавательном аспекте, но и создает некую внутреннюю интригу в переписке двух людей. Время создания писем, о которых идет речь, особенности эпохи, не знавшей современных, максимально оперативных средств коммуникации, предполагают рассмотрение письма как документа, имеющего важное содержание и историческое значение, зафиксировавшего и отразившего определенные временные и жизненные константы.

Формат статьи исключает широкий, развернутый анализ всех писем, поэтому мы из общего их корпуса вычленили те, которые в большей степени помогают ответить на поставленные задачи – обнаружить дискурсивные ходы, значимость и содержательность которых неоспоримы, отметить эмоциональный тон обсуждения насущных для собеседников тем.

Анализ последних исследований и публикаций. Многообразие коммуникативных потребностей людей, обслуживаемых письмом, и, как следствие, широкая жанрово-стилевая вариативность данного типа текста обусловили существование целого ряда классификаций писем, базирующихся на разных основаниях. Нет необходимости говорить о значении писем как самостоятельного и свободного жанра – об этом написано немало серьезных работ. Языковеды предлагают различные подходы к определению жанровой сущности письма. В русле исследований, развивающих идеи М.М. Бахтина, М.Ю. Федосюка, Т.В. Шмелёвой, лежит трактовка эпистолярия как особого речевого жанра, обладающего единством содержательных, структурных и речевых свойств, обоснованная в докторской диссертации Н.А. Ковалёвой. Исследователь рассматривает эпистолярный как «вторичную речевую форму синкретичного типа, включающую в свой состав первичные жанры» [4, с. 9–10]. Указывая на то, что письмо объединяет в своём составе несколько жанров, О.П. Фесенко характеризует его как

своего рода гипержанр не столько информативного, сколько фатического общения, основным смыслом которого является само общение [5, с. 141]. Первичные речевые жанры, функционирующие в эпистолярном дискурсе, образуют парадигму, объединяющую жанры императивного, информативного, оценочного, этикетного типов [6, с. 56–63, 114], причём в числе этикетных речевых жанров называется и такой речевой жанр, как «начальное обращение».

Всякое письмо, как известно, начинается с обращения к адресату. По этим ключевым словам иногда безошибочно определяются характер взаимоотношений между людьми и степень доверительности этих отношений. Каждый из конструктивных параметров письма имеет своё прямое функциональное назначение, которое в силу тех или иных причин может быть нереализованным и даже не востребуемым. Если речь идёт о контактоустанавливающей функции письма, то она обязательно реализуется уже самим фактом его написания. Самый естественный и распространённый, самый эффективный способ установления контакта адресанта со своим адресатом – это, безусловно, некое обозначение этого адресата, некая его фиксация с помощью той или иной лингвистической фигуры, которая может оказаться не только собственно обращением как определённой грамматической категорией, но и каким-то иным речевым образованием, функционально аналогичным обращению в самых разных структурных вариациях этой грамматической категории, таким, в частности, как метатекстовая или опосредованная адресация. Неоднократно подчёркивались особая роль начального обращения в письмах и даже его обязательность в качестве одного из этикетных элементов зачина письма [7]. Были отмечены выразительность начального обращения в тексте дружеского письма и то, что этот композиционный эпистолярный элемент во многом определяет выбор языковых средств текста, его стилистическую окрашенность [8, с. 163]. Акцентируется также связь эпистолярных обращений с идиостилем писателя и характером письма.

Целью статьи является изучение содержательных и экспрессивных характеристик эпистолярных текстов книги «Переписка Бориса Пастернака», существенно расширяющих известные представления как о личности Б.Л. Пастернака, так и о современном ему литературном процессе.

Изложение основного материала. Адресация письма – это самая значимая и менее всего предсказуемая (в смысле множества её форм) категория. Характер номинации адресата в обращении указывает на значимые для автора письма стороны личности его корреспондента, задавая общению определённую тональность: нейтральную, официальную, непринуждённую, дружескую и др. В своих письмах Б.Л. Пастернак в большинстве случаев использует обращение, начинающееся со слова «дорогой»: *дорогая Оля* (Фрейденберг), *дорогая Марина Ивановна* (Цветаева), *дорогой Алексей Максимович* (Горький), *дорогой Николай* (Тихонов), *дорогой Варлам Тихонович* (Шаламов). Никогда в тех письмах, которые помещены в рассматриваемой книге переписки, не встречаются приветствия «Здравствуйте», «Добрый день (вечер)» и т. п. Складывается впечатление, что разговор с собеседником лишь на короткое время прерывался для того, чтобы продолжиться снова. Именно такую ситуацию общения демонстрируют письма Бориса Пастернака Николаю Тихонову.

Переписка с Николаем Тихоновым могла бы составить отдельный сюжет в эпистолярии Б.Л. Пастернака. В этой пе-

реписке одинаково интересны – предельной искренностью и откровенностью – тексты обоих поэтов. Кажется, что даже в письменном диалоге двух литераторов ощущается неподдельная взаимная симпатия, общность понимания многих вопросов современного искусства, поэзии в частности, сердечное дружеское расположение, а не просто обязательная вежливость.

Ритмическая стремительность писем Н.С. Тихонова и Б.Л. Пастернака, оригинальная стилистика, рождающаяся вследствие смелого использования необычных, непривычных, «незахватанных» в употреблении слов, делают этот пласт переписки богатейшим материалом для лингвистического и историко-литературного рассмотрения. Именно в письмах, адресованных Н.С. Тихонову, Б.Л. Пастернак в своеобразных формулах даёт характеристику эпохи 1920–1930-х годов, экспрессивность которой существенно отличается от той, что предлагают даже современные – новаторские и революционные по сути своей – исторические исследования. В сложное и полное лишений время «великого перелома» Б.Л. Пастернак мечтает о том, «когда индустриализация будет уже за плечами» [1, с. 472] и настанет час литературного ренессанса, когда необходимость нечеловеческого напряжения сил и материальные трудности всего народа останутся позади. В печально известном, ставшем едва ли не эмблематическим годом репрессий, в 1937 году, Б.Л. Пастернак пишет: «Сейчас все полно политического охорашиванья, государственного умничанья, социального лицемерья, гражданского святошества, а книга живет действительной политической мыслью, деятельной, отрывающейся вдале, не глядящейся в зеркало, не позирующей» [1, с. 480].

Закономерной и естественной темой диалога двух писателей – Бориса Пастернака и Николая Тихонова – является тема литературного творчества. Прежде всего обращает на себя внимание момент неподдельного восхищения этих двух людей талантом друг друга: в письмах содержатся и серьёзный разбор произведений, и указание на отдельные промахи и упущения, и аргументированные похвалы за нетривиальное решение сюжета, оригинальный лексический рисунок, современность героя и свежесть интонации. Ознакомившись с книгой Н.С. Тихонова «Тень друга», Б.Л. Пастернак пишет ему: «Я давным-давно не испытывал ничего подобного. Она (книга – *Н. П., Е. К.*) показалась мне немислимостью и чистым анахронизмом по той жизни, которую полны ее непринужденные, подвижные страницы. <...> Где и когда, в какие непоказанные часы и с помощью какой индусской практики удалось тебе дезертировать в мир такого мужественного изящества, произвольной мысли, сгоряча схваченной, порывистой краски. Откуда это биенье дневника до дерзости неприязнательного в дни обязательного притязанья, эфиопской напыщенности, вневременно надутой, нечеловеческой, ложной. Это просто непредставимо» [1, с. 479].

Отстаивая несомненные художественные достоинства только начавшего печататься романа А.Н. Толстого «Петр Первый», в оценке которого мнения писателей разошлись, Б.Л. Пастернак горячо убеждает Н.С. Тихонова: «Но «Петр»! Молодец Толстой. Как легко, густо, страшно, бегло все двинуто. Как не перестает быть действительностью в движении, как складывается в загадки (не сюжетные, а историографические), как во всех изворотах, на всем ходу разъясняется!» [1, с. 475].

Совершенно иная тональность переписки Бориса Пастернака с Максимом Горьким. В письмах к М. Горькому Б.Л. Пастернак демонстрирует пиетет перед талантом уже всемирно известного писателя, видного общественного деятеля. Все слова

и фразы у Б.Л. Пастернака взвешены и аккуратны, нет и намека на легкую непринужденность интонации, допустимую в разговоре с другими писателями. Позиция Б.Л. Пастернака в письмах к М. Горькому – это позиция почитателя, стоящего перед памятником. Б.Л. Пастернак благодарит М. Горького за сообщение о том, что «Детство Люверс» переведено на английский язык, и испытывает неловкость от того, что именно М. Горький сообщит ему об условиях издания этой книги в Америке. Признательность Б.Л. Пастернака за «заботу и отзывчивость» М. Горького кажется даже чрезмерной, но нужно принять во внимание имевший место случай высказанного Б.Л. Пастернаком несогласия по поводу несогласованного с ним вмешательства редактора в выполненный им перевод комедии Г. Клейста «Разбитый кувшин», хотя на тот момент Б.Л. Пастернак не знал, что этим редактором был М. Горький. Подобная «сшибка», по слову А.С. Пушкина, не была бы сколько-нибудь значимой и не представляла бы из себя заметного события, если бы стороны возникшего даже не конфликта, а недоразумения были равновесными, но получалось, что, с одной стороны, – молодой поэт и переводчик Б.Л. Пастернак, а с другой – М. Горький. Поэтому Б.Л. Пастернак словно бы компенсирует уязвимость собственной давнишней неловкости избытком теперешней уважительности: «Алексей Максимович, оснований моей душевной благодарности Вам – не перечислить. Горячо Вас за все благодарю» [1, с. 418].

Возможно, такой тон писем Б.Л. Пастернака и дал основания М. Горькому обращаться к поэту покровительственно, как бы свысока, словно признавая а priori существующую дистанцию между ним, М. Горьким, и Б.Л. Пастернаком. Однако формат отношений «учитель – ученик» для М. Горького, если судить по некоторым его письмам, был привычным. К примеру, М. Пастернаку в 1927 году он выговаривает за неприемлемую, с его точки зрения, образность: «Я всегда читал стихи Ваши с некоторым напряжением, ибо – слишком, чрезмерна их насыщенность образностью и не всегда образы эти ясны для меня; мое воображение затруднялось вместить капризную сложность и часто – недоочерченность Ваших образов» [1, с. 419]. Возникает закономерный вопрос: как и чем должна быть дозирована образность? Какой процент образности соответствует некоей норме, а какой – превышает ее? Кроме того, в литературе все образно, и дифференцировать стилистически и художественно нейтральный и образно насыщенный тексты – задача трудно-выполнимая.

В другом письме, датированном тем же 1927 годом, М. Горький еще более резко высказывается о Марине Цветаевой: «С Вашей (Б.Л. Пастернака – Н. П., Е. К.) высокой оценкой дарования Марины Цветаевой мне трудно согласиться. Талант ее мне кажется крикливым, даже – истерическим, словом она владеет плохо и ею, как А. Белым, владеет слово. Она слабо знает русский язык и обращается с ним бесчеловечно, всячески искажая его» [1, с. 420]. В последней цитате обратим внимание на слово «истерический», которое в скором времени будет сказано и в адрес Б.Л. Пастернака. Заступаясь за сестер Цветаевых, вызвавших раздражение М. Горького, Б.Л. Пастернак максимально четко, однако, не переступая традиционных границ уважительности, замечает: «Дорогой, дорогой Алексей Максимович, знайте, никакая фамильярность или задняя мысль относительно Вас с моей стороны немислима!» [1, с. 427]; а будучи человеком деликатным и щепетильным в денежных делах, Б.Л. Пастернак просит М. Горького не ставить в сложное поло-

жение М.И. Цветаеву материальной помощью с его стороны, в которой Марина Ивановна на тот момент не нуждалась, а Б.Л. Пастернак со своей стороны такую помощь при случае старался ей оказывать. Ответом на эти искренние слова друга М.И. Цветаевой было письмо М. Горького такого содержания: «Борис Леонидович, истерический тон Вашего последнего письма для меня загадочен, оправданий ему я не вижу и предлагаю Вам прекратить переписку со мною, опасаясь, что она может только усилить недоразумения» [1, с. 428]. А ведь Б.Л. Пастернак оценивал талант Марины Цветаевой и некоторых других своих современников в превосходной степени, что зафиксировано в его письме 1922 года, адресованном М.И. Цветаевой: «Дорогой, золотой, несравненный мой поэт, и, надеюсь, понимаете, что это в наши дни означает, при обилии поэтов и поэтесс не только тех, о которых ведомо лишь профсоюз, при обилии не имажинистов только, но при обилии даже неопороченных дарований, подобных Маяковскому и Ахматовой» [1, с. 299]. Таким образом, Б.Л. Пастернак опять был возвращен на позицию провинившегося школяра, вынужденного оправдываться за свои «ошибки».

М.И. Цветаева также считала Б.Л. Пастернака исключительным явлением в современной поэзии, о чем в свойственном ей метафорическом стиле писала в 1923 году: «Вы не человек и не поэт, а явление природы. Чистейшие первые руки. Бог по ошибке создал Вас человеком <...> Бог задумал Вас дубом, – сделал человеком... <...> Вы – возмутительно большой поэт» [1, с. 305, 309]. Этот образ, вероятно, навеян не только осознанием Цветаевой приоритетности мужского лейтмотива во вселенной, в чем она откровенно признавалась в одном из писем, но и характером сложившихся в процессе переписки отношений между двумя поэтами. Неслучайно, что именно с М.И. Цветаевой Б.Л. Пастернак обсуждает сложнейшие, непостижимые непосвященным «тайны ремесла», внятные только поэту-единомышленнику: «Я больше всего на свете (и, может быть, это – единственная моя любовь) – люблю правду жизни в том ее виде, какой она на одно мгновение естественно принимает у самого жерла художественных форм, чтобы в следующее же в них исчезнуть. <...> Субъективно то, что только написано тобой. Объективно то, что (из твоего) читается тобою или правится в гранках, как написанное чем-то большим, чем ты. <...> Речь идет только о работе и вооружении, о продолжении усилий, направленных на то, чтобы вернуть истории поколенья, видимо отпавшее от нее, и в котором находимся я и ты» [1, с. 303, 315, 327]. Также неслучайно, по-видимому, и то, что М.И. Цветаевой поверяет Б.Л. Пастернак откровенные мысли о некоторых литераторах, вызывающих у него неоднозначное отношение. Так, об Эльзе Триоле, сестре Л.Ю. Брик, Б.Л. Пастернак отзывается следующим образом: «Она мне читала свою прозу, и я ее хвалил, где она этого заслуживала. Она не без способностей, но я сказал ей, что писателя и текст создает треть измеренья – глубина, которая подымает сказанное и показанное вертикально над страницей, и что важнее – отделяет книгу от автора. Я сказал ей, что этого у нее нет и что это верно приходит с работой» [1, с. 326]. Или об И.Г. Эренбурге: «Он (И.Г. Эренбург – Н. П., Е. К.) не настолько прост, чтобы быть для меня обывателем, т. е. куском бытовой непринужденности (обычайшим моим собеседником). И он не настолько художник, чтобы я становился в беседе игрушкой часа, положенья или принесенного из дому настроенья. Так как, несмотря на все его удачи, я его считаю несчастливцем, то внутренне,

про себя, никогда впрочем этого ему не показывая, желаю ему добра, желаю с аффектацией и упорством. И мне бы очень хотелось, чтобы ты не согласилась со мной и меня осадил: он вовсе не художник. Я желал бы, чтобы ты была другого мнения. Найди в нем то, чего я в нем напрасно ищу, и я стану глядеть твоими глазами» [1, с. 373]. В этой готовности смотреть на человека или ситуацию глазами друга без труда угадывается абсолютно откровенный характер отношений – не просто между двумя поэтами, но между единомышленниками, людьми одинаково понимающими и чувствующими.

Эмоциональность отношений между М.И. Цветаевой и Б.Л. Пастернаком порождает такое качество их писем, как экспрессивность, которая выражается разнообразными лексико-семантическими, синтаксическими, пунктуационными средствами, в том числе авторскими обращениями к адресату. Обращаясь к поэтессе, Б.Л. Пастернак не довольствуется стандартными способами именованности адресата и создает оригинальные вокативные конструкции, пронизанные восхищением и любовью, например: *Марина, золотой мой друг, изумительное, сверхъестественно родное предназначенье, утренняя дымящаяся душа моя, Марина* [1, с. 309]. Экспрессивность этого обращения формируется не только индивидуально-авторскими метафорами и эпитетами, но и самим построением вокативной конструкции, где в рамках из редуцированного имени адресата заключены распространенные приложения, выраженные именами нарицательными. В других письмах Б.Л. Пастернак эмоционально обращается к М.И. Цветаевой так: *родной мой друг; дорогая подруга; моя безмерно любимая; дорогой друг* [1, с. 324, 371, 392, 396]. Экспрессивна и такая речевая фигура, как поливокатив – многократное повторение обращения к адресату в тексте одного письма. Даже обычное обращение по имени, повторенное рефреном в составе восклицательных предложений, становится средством выражения высокого накала страсти в отношениях корреспондентов: «За что я ненавижу их <письма>. Ах, **Марина**, они невнимательны к главному. <...> И когда сжимается сердце, **Марина!**.. И насколько наша она, эта сжатость, – ведь она насквозь стилистическая! <...> О, как я Вас люблю, **Марина!**» [1, с. 309–310].

Начальное обращение во многих письмах Б.Л. Пастернака М.И. Цветаевой отсутствует. Письмо может начинаться восклицанием: «Наконец-то я с тобой» [1, с. 312], неожиданной просьбой: «У меня к тебе просьба. Не разочаровывайся во мне раньше времени» [1, с. 343], изложением своих планов на будущее: «Завтра я встану другим, скреплюсь, возьмусь за работу. А эту ночь я проведу с тобой» [1, с. 323], эллиптическим предложением, в котором опущенный компонент восстанавливается лишь при реконструкции предшествующих мысленных рассуждений автора, не зафиксированных на бумаге: «До этого были три неотправленных (по-видимому, речь идет о письмах – *Н. П., Е. К.*). Это болезнь. Это надо подавлять» [1, с. 337] и т. п. Редукция начального обращения в письмах формирует экспрессивность речи в ситуации непосредственного непринужденного общения, когда собеседники не разделены пространством, а обмен репликами – временем, как это обычно бывает при переписке. Тем самым письма превращаются в живой диалог, отмеченный для автора иллюзией постоянного незримого присутствия адресата.

В процессе развития и изменения отношений между участниками переписки изменяется и характер адресации в письме, причём на определенном этапе может наблюдаться полная

редукция обращения. Переписка между Б.Л. Пастернаком и М.И. Цветаевой длилась с 1922 года по 1935 год, достигнув апогея в 1926 году и затем постепенно сходя на нет [1, с. 299]. В 1926 году в этот эпистолярный диалог включился Райнер Мария Рильке, который высоко оценил стихи русских поэтов и ощущал своё духовное родство с ними. В конверт с письмом, адресованным М.И. Цветаевой, Р.М. Рильке вкладывает и письмо для Б.Л. Пастернака с обещанием прислать ему сборники своих стихов. М.И. Цветаева отправила это письмо в Москву не сразу, сопроводив его лишь краткой припиской, где ничего не было сказано ни о её переписке с Р.М. Рильке, ни о полученных ею по просьбе Б.Л. Пастернака книгах. Б.Л. Пастернак воспринимает это как отсутствие М.И. Цветаевой в эпистолярной коммуникации, как, по его выражению, осязательное молчание её руки, повергнувшее его в тоску [1, с. 337]. Становится более сдержанной тональность писем поэта, что, в частности, находит свое выражение в отсутствии адресации в письмах Пастернака от 23 мая 1926 года, 5 июня 1926 года, 7 июня 1926 года [1, с. 343–358]. Лишь после получения ответа от М.И. Цветаевой с приложенными ею копиями писем к ней Р.М. Рильке в письма Б.Л. Пастернака возвращается прежняя порывистость и восторженность, а вместе с тем и обращения: *Марина* (10 июня 1926 года), *мой друг* (13 июня 1926 года), *дорогая подруга* (1 июля 1926 года), *дорогая Марина* (11 июля 1926 года) [1, с. 359, 361, 371, 384].

Содержание переписки Бориса Пастернака с Варламом Шаламовым подсвечивает высокие человеческие качества Б.Л. Пастернака, причём из содержания писем Пастернака проступает – без дополнительных биографических экскурсов и комментариев – образ писателя с непростой, трагической судьбой, чей путь в литературу был чрезвычайно тернистым, – В.Т. Шаламова. Сама ситуация переписки двух литераторов может быть рассмотрена как зеркальное отражение имевшей место много лет назад переписки между Б.Л. Пастернаком и М. Горьким. Письменный диалог между Б.Л. Пастернаком и В.Т. Шаламовым, начавшийся в 1952 году, – это диалог уже широко известного, авторитетного поэта с человеком, пока еще стоящим на обочине литературного процесса. Однако в письмах Б.Л. Пастернака нет и тени снисходительности или высокомерия, которые невольно могли бы возникнуть, учитывая колоссальную дистанцию, разделяющую этих двух людей, а есть свидетельства высочайшей культуры, интеллигентности, порядочности. Одно из писем, от 9 июля 1952 года (оно, пожалуй, самое объемное из всех, помещенных в рассматриваемой книге), содержит не только скрупулезный, подробный профессиональный разбор присланных В.Т. Шаламовым стихов, но и такие слова: «Я склоняюсь перед нешуточностью и суровостью Вашей судьбы и перед свежестью Ваших задатков (острой наблюдательностью, даром музыкальности, восприимчивостью к осязательной, материальной стороне слова), доказательств которых во множестве рассыпаны в Ваших книжках» [1, с. 526–527]. Что подсказало Борису Пастернаку эти слова? В работах философов встречается такое, по нашему мнению, верное объяснение: «Страдание – очищение бытия, возвышение духа, страдающий человек носит в себе живое, горящее сердце, страдание нужно для спасения духовной жизни человека. <...> Такое понимание страдания сопоставимо со взглядами Бердяева. Чуткость к страданиям людей пробудилась в сердце поэта в раннем возрасте и не притуплялась всю его жизнь. Эта чуткость вызвала в его душе острую жалость к страдающему

человеку» [9, с. 62, 64]. А Варлам Шаламов, несомненно, – страдалец. Отсюда и явленные Борисом Пастернаком *сострада-*ние, *сопричастность* к жизненной драме другого человека.

Не принимая безоговорочно систему взаимоотношений «учитель – ученик», а В.Т. Шаламов именно так воспринимал Б.Л. Пастернака, поэт самокритично отзывается сначала о собственных стихах: «Если бы мне можно было сейчас переиздаться, я бы воспользовался этой возможностью для того, чтобы отобрать очень, очень немногие из своих ранних книг (а стихи из этих книг заворожили когда-то в юности Шаламова! – *Н. П., Е. К.*) и в попутном предисловии показать несостоятельность остающегося в них и предать его забвению. Я пришел в литературу со своими запросами живости и яркости, отчасти сказавшимися в первой редакции книги «Поверх барьеров» (1917 год). Но и она претерпела уже некоторые искажения. Я был на Урале, а издатель, плативший этим дань футуризму, приветствовал печатки и типографские погрешности как положительный вклад в издание и выпустил книгу, не послав мне корректуры» [1, с. 527]. Едва ли не самым сильным аккордом, своеобразным философским контрапунктом писем, адресованных В.Т. Шаламову, являются удивительные в своей точности и глубокие по содержанию выводы умудренного жизнью человека: «Не утешайтесь неправотою времени. Его нравственная неправота не делает еще Вас правым, его бесчеловечности недостаточно, чтобы, не соглашаясь с ним, тем уже и быть человеком» [1, с. 528]. Эта формула аккумулирует в себе сущностные содержательно-экспрессивные моменты писем Бориса Пастернака и одновременно может рассматриваться как личностное кредо поэта.

Выводы. Даже беглые наблюдения над содержанием эпистолярия Бориса Пастернака позволяют сделать выводы о важном аксиологическом значении его писем, особенно писем, адресованных друзьям-литераторам: в этих текстах прописаны те «правила» творчества, которым следовал поэт и ориентация на которые способствует профессиональному и верному прочтению его произведений. Эмоциональный фон писем разных лет передает настроения поэта в разные периоды его творчества, во время работы над конкретными произведениями, что проясняет тот серьезный момент, который обычно называют авторской позицией или отношением автора к изображаемому. «По глубокому убеждению Пастернака, поэзия – прямое следствие жизни, ее производное» [10, с. 16], – отмечал один из исследователей творчества поэта, и подтверждения этой мысли обнаруживаются в письмах Бориса Пастернака.

Литература:

1. Переписка Бориса Пастернака / вступ. ст. Л.Я. Гинзбург ; сост., подгот. текстов Е.В. Пастернак, Е.Б. Пастернака. – М. : Худож. лит., 1990. – 575 с.
2. Катаева Т. Другой Пастернак. Личная жизнь. Темы и варьирования / Т. Катаева. – Минск : Современный литератор, 2009. – 607 с.
3. Быков Д.Л. Борис Пастернак / Д.Л. Быков. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 598 с. (Жизнь замечательных людей).
4. Ковалёва Н.А. Русское частное письмо XIX века: Коммуникация. Жанр. Речевая структура : автореф. дисс. ... докт. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н.А. Ковалёва. – М., 2002. – 52 с.
5. Фесенко О.П. Эпистолярный жанр, стиль, дискурс / О.П. Фесенко // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 23 (124). – С. 132–143.
6. Курьянович А.В. Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой : дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / А.В. Курьянович. – Томск, 2001. – 227 с.
7. Катаржина С.Л. Этикетные формулы в письмах к друзьям русской творческой интеллигенции начала XX в. : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / спец. 10.02.01 «Русский язык» / С.Л. Катаржина. – Орск, 2001. – 20 с.
8. Черняева А.Б. Функционирование обращения в дружеском письме творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века : дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / А.Б. Черняева. – СПб., 2008. – 187 с.
9. Поплюйко-Анатольева Н.А. Безвинное страдание (Философские элементы в творчестве Бориса Пастернака) / Н.А. Поплюйко-Анатольева // Сборник статей, посвященных творчеству Б.Л. Пастернака. – Мюнхен, 1962. – С. 60–83.
10. Соломин В.Г. Собеседник сердца. Этюды о Пастернаке / В.Г. Соломин. – Ростов-на-Дону : Личный интерес, 1994. – 51 с.

Підмогиляна Н. В., Куварова О. К. Змістовність і експресивність листа (на матеріалі листування Б. Л. Пастернака)

Анотація. У статті розглядається книга «Переписка Бориса Пастернака» як оригінальний видавничий проект. Дослідницький інтерес зосереджено на змістовних та експресивних характеристиках епістолярних текстів, що суттєво розширюють уявлення як про особистість письменника, так і про сучасний йому літературний процес.

Ключові слова: Б.Л. Пастернак, листи, змістовність, експресивність, звертання, М.С. Тихонов, М. Горький, М.І. Цветаєва, В.Т. Шаламов.

Podmogilnaya N., Kuvarova Ye. Richness of content and expressivity of a letter (on the material of B. L. Pasternak's correspondence)

Summary. The article discusses the book “Correspondence of Boris Pasternak” as the original publishing project. Research interest is concentrated on richness of content and expressive descriptions of epistolary texts, substantially extending the known ideas both about personality of writer and about a contemporary to him literary process.

Key words: B.L. Pasternak, letters, richness of content, expressivity, address, N.S. Tikhonov, M. Gorky, M.I. Tsvetayeva, V.T. Shalamov.